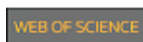

Лаппо М. А. Репрезентация национально-культурной идентичности в венгерском переводе романа Е. Водолазкина «Лавр» / М. А. Лаппо, И. Пожгаи // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 50—69. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-50-69.

Lappo, M. A., Pozsgai, I. (2022). Representation of National and Cultural Identity in Hungarian Translation of E. Vodolazkin's Novel "Laurus". *Nauchnyi dialog*, 11(6): 50-69. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-50-69. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-50-69

Репрезентация национально-культурной идентичности в венгерском переводе романа Е. Водолазкина «Лавр»

Лаппо Марина Александровна ¹

orcid.org/0000-0002-4335-5181

доктор филологических наук, доцент,
кафедра современного русского языка
и методики его преподавания
marine.lappo@yandex.ru

Пожгаи Иштван ^{2,3}

orcid.org/0000-0003-2475-9401

PhD, habilitированный доцент,
кафедра русской филологии Печского
университета
кафедра русского языка Католического
университета им. Петра Пазмания
pozsgaiistvan330@gmail.com

¹ Новосибирский государственный
педагогический университет
(Новосибирск, Россия)

² Печский университет
(Печ, Венгрия)

³ Католический университет
им. Петра Пазмания
(Будапешт, Венгрия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
и Фонда «За русский язык и культуру
в Венгрии», проект № 21-512-23003

Representation of National and Cultural Identity in Hungarian Translation of E. Vodolazkin's Novel "Laurus"

Marina A. Lappo ¹

orcid.org/0000-0002-4335-5181

Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Modern Russian Language
and Teaching Methods
marine.lappo@yandex.ru

István Pozsgai ^{2,3}

orcid.org/0000-0003-2475-9401

PhD, Habilitatus Assistant Professor
pozsgaiistvan330@gmail.com

¹ Novosibirsk State
Pedagogical University
(Novosibirsk, Russia)

² University of Pecs
(Pecs, Hungary)

³ Péter Pázmány Catholic University
(Budapest, Hungary)

Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR
and FRLC, project number 21-512-23003

© Лаппо М. А., Пожгаи И., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается проблема перевода художественного текста, в котором интерпретация национально-культурной самоидентификации героев и нарратора является значимым инструментом выявления его смысловой доминанты. Впервые вопрос переводческих стратегий в соотношении с актуализацией «своего и чужого» исследуется на материале венгерского перевода романа Евгения Водолазкина «Лавр». Объектом исследования являются архаизированные либо неархаизированные фрагменты древнерусского текста в речи героев романа, а также переводы личных имен и топонимов. Устанавливается, что Лайош Палфальви использует переводческую стратегию доместикации. Описываются языковые средства архаизации, использованные в тексте перевода. Доказывается, что ведущим средством архаизации в переводе является употребление древнего венгерского повествовательного прошедшего, другими средствами архаизации являются устаревшие формы, слова и синтаксические конструкции, редкие слова и слова, принадлежащие к высокому, литературному или народному стилю. Демонстрируется адекватность переводческой стратегии: данные языковые средства относят венгерского читателя к эпохе средневековья, что соответствует замыслу автора. При этом отмечается, что специфическая лингвокультурная преемственность восточных славян (жителей Древней Руси) и русских (носителей современного русского языка) лишь отчасти актуализирована в переводе романа.

Ключевые слова:

этнокультурная идентичность; самоидентификация; перевод; архаизация; Лавр; Лайош Палфальви.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The problem of translation of a literary text is considered, in which the interpretation of the national-cultural self-identification of the characters and the narrator is a significant tool for identifying its semantic dominant. For the first time, the issue of translation strategies in relation to the actualization of "one's own and someone else's" is studied on the material of the Hungarian translation of Evgeny Vodolazkin's novel "Laurus". The object of the study is archaic or non-archaic fragments of the Old Russian text in the speech of the heroes of the novel, as well as translations of personal names and toponyms. It is established that Lajos Palfalvi uses the translation strategy of domestication. The language means of archaization used in the translation text are described. It is proved that the leading means of archaization in translation is the use of the ancient Hungarian narrative past, other means of archaization are obsolete forms, words and syntactic constructions, rare words and words belonging to a high, literary or folk style. The adequacy of the translation strategy is demonstrated: these linguistic means refer the Hungarian reader to the Middle Ages, which corresponds to the author's intention. At the same time, it is noted that the specific linguocultural continuity of the Eastern Slavs (inhabitants of Ancient Russia) and Russians (native speakers of the modern Russian language) is only partially updated in the translation of the novel.

Key words:

ethnocultural identity; self-identification; translation; archaization; Laurus; Lajos Palfalvi.

Репрезентация национально-культурной идентичности в венгерском переводе романа Е. Водолазкина «Лавр»

© Лаппо М. А., Пожгаи И., 2022

1. Введение = Introduction

Актуальность исследования языковых средств репрезентации идентичности определяется антропоцентрическим поворотом в лингвистике. Утверждение современной философии о том, что язык фиксирует и процесс, и результат посредством одних и тех же знаков [Павиленис, 2013], позволяет перейти к вербальному аспекту самоидентификации как в рамках эссенциалистского, так и в рамках конструкционистского подходов. Первый дает возможность оценить накопленные ресурсы языка в области маркирования групп людей на основании различных признаков (национального, возрастного, гендерного, профессионального и т. п.), второй — говорить о том, что в речевой деятельности непрерывно осуществляются процессы актуализации идентичности.

Художественный текст — важнейшее пространство маркирования национально-культурной самоидентификации: «Стабилизация этнических стереотипов — комплекса представлений одной этнической группы о другой либо о самой себе (автостереотип) происходит прежде всего в литературе. Эти представления отнюдь не всегда совпадают с объективной исторической реальностью, а являются выражением убеждений данной группы» [Хорев, 2000, с. 23]. Современная художественная литература в образной, неявной форме отражает глобальные культурные изменения, происходящие в обществе, и сама впоследствии косвенно влияет на формирование системы ценностей, структуры идентичности носителей языка, реципиентов как первичных текстов, так и их интерпретаций (переводов на другие языки, экранизаций и т. п.). При этом переводной художественный текст рассматривается нами как самостоятельное культурное явление, в котором значимая для читателей оригинального текста исходная оппозиция «своего» и «чужого» может быть как сохранена, так и элиминирована или трансформирована. Вопрос о том, какая стратегия художественного перевода — форенизация или доместикация, в терминологии Л. Венути [Venuti, 1995], является более приемлемой, остается открытым.

Как правило, категория «свое и чужое» исследуется на материале аутентичных текстов [Acta Slavica Estonica VIII, 2016]. Вопрос адекватного перевода в соотношении с актуализацией «своего и чужого» в простран-

стве художественного текста был поднят сравнительно недавно (см. обзор в статье [Качане и др., 2016]. В работе Н. В. Лабунец, Д. Е. Эртнер, Я. Е. Андреевой посвященной переводу на китайский язык романа Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза», представлен особый тип этнолингвистических лакун, когда «лакунарной является сопряженность лингвокультурного татарско-русского контактирования, которое «прочитывается» в тексте оригинала, но не в его переводе» [Лабунец и др., 2022]. Об этом же типе лакун контактирования идет речь и в исследовании С. А. Колосова: американская переводчица «Белой гвардии» Мэриан Шварц, сохраняя значимость билингвальности героев, украинские вкрапления маркирует курсивом в кавычках, поскольку они встречаются только в прямой речи, о чем упоминает в предисловии к новому переводу романа [Колосов, 2015].

Как известно, роман Е. Водолазкина «Лавр», опубликованный в 2012 году, получил не только собственно литературное признание в виде книжных премий «Ясная Поляна» и «Большая книга» и переводов на десятки иностранных языков, но и солидное филологическое осмысление в десятках научных статей и фрагментах монографий. В аспекте проблем его перевода стоит отметить прежде всего работы В. А. Разумовской [Разумовская, 2018], О. Б. Пановой и О. В. Кодочиговой [Панова, 2019], анализирующих текст данного романа в контексте диалога культур и в пере переводческой перспективе. Ряд исследований посвящен изучению переводов «Лавра» на другие языки и его рецепции иноязычными читателями и критиками, см.: [Tyszkowska-Kasprzak, 2017; Кахла, 2010; Палфальви, 2019; Богоутдинов, 2020]. Конструирование художественного билингвизма в творчестве Е. Водолазкина описывается в трудах Н. В. Кривошаповой [Кривошапова, 2020], Н. А. Купиной [Купина, 2021] и др.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Ранее в статье М. А. Лаппо на материале романа Е. Водолазкина «Лавр» были проанализированы языковые приемы художественного конструирования этнокультурной идентичности [Лаппо, 2021]. Было доказано, что интерпретация национально-культурной самоидентификации в художественном тексте может стать инструментом выявления его смысловой доминанты. Нарратор использует стилистически нейтральную разновидность современного русского языка, а в речи героев совмещаются элементы древнерусского (церковнославянского) и различных стилистических пластов современного русского языков. Такое совмещение языковых страт В. А. Разумовская считает «сконструированным вариантом древнего языка», языковой «квазисистемой», которая играет «важнейшую роль в организации культурного пространства романа, создании уникальной куль-

турной диахронной полифонии» и «тесно связана с различными аспектами художественного смыслопорождения» [Разумовская, 2018, с. 258—259].

По нашему мнению, художественное противопоставление героев и нарратора выдвигает речевую партию последнего и делает значимым его выбор номинации временного периода описываемых событий: это *Средневековье*, а не *Древняя Русь*. Хрононим *Средневековье* позволяет избежать прямой национальной самоидентификации (с корнем *рус-*, *рос-*) и обозначить этот исторический период как важный семиотический центр, середину времени и пространства, средоточие смысла. Термин *Средневековье* также, не являясь национально маркированным, относит Русь (Россию) к Европе и всему миру, делая ее частью всемирной истории, а не противопоставляя другим.

В данной статье рассматриваются языковые средства передачи национально-культурной самоидентификации в венгерском переводе романа «Лавр», выполненном венгерским переводчиком Лайошем Палфальви [Vodolazkin, 2015].

В речи героев романа, как мы уже упомянули, совмещены современный русский, древнерусский и русский церковнославянский языки. Вернее, последние два языка составляют одну языковую систему или две подсистемы одной национальной языковой системы, если примем, что жители Древней Руси древнерусский и церковнославянский языки воспринимали как одну языковую систему [Успенский, 1994, с. 6]. Следует отметить, что этот взгляд Б. А. Успенского подвергается критике, поскольку фактически нет свидетельств о том, принимали ли восточные славяне церковнославянский язык и свои диалекты за один язык [Живов, 2017, с. 64].

По сути, средневековым языковым слоем в романе «Лавр», скорее, можно считать церковнославянский язык, так как собственно древнерусские языковые элементы обнаруживаются чаще всего только тогда, когда они совпадают с соответствующими церковнославянскими словоформами. Исключение могут представлять собой словоформы, содержащие на месте праславянского сочетания **dj* согласный *ж* (*межи светом и тьмою, отхожу*), словоформы, отражающие отсутствие носовых гласных (*лягу*), или начальное *у* (*уноше*). Отметим, что до конца XIV века, до второго южнославянского влияния и в русском церковнославянском языке (за исключением самих ранних памятников) на месте праславянского сочетания **dj* употребляли рефлекс *ж*, то есть вместо правильной старославянской формы *прѣжде* писали *прѣже*, вместо *гражданинѣ* писали *гражанинѣ* [Улуханов, 1972, с. 25—26]. Однако книжные (гибридные) формы окончаний, свойственные русскому церковнославянскому языку и возникшие когда-то в результате церковно-книжного произношения древнерусскими писца-

ми старославянских окончаний, регулярно встречаются в тексте: *от вещи инья, кровавыя раны, старости моя*. Поскольку в подавляющем большинстве случаев церковнославянские тексты с древнерусскими элементами характеризуют речь древнерусских героев или героев, говорящих и по-древнерусски, мы условно будем употреблять термин *древнерусский язык*. Целесообразность употребления этого термина может подтверждаться и мнением Б. А. Успенского о наличии одной языковой системы на Руси (см. выше). В связи с правописанием древнерусских фрагментов мы отметим, что на месте буквы «ять» всегда пишется буква «е».

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Языковая архаизация переведенных на венгерский язык древнерусских фрагментов

Передача древнерусских фрагментов венгерским переводчиком Л. Пальфальви в основном осуществляется посредством языковой архаизации древнерусского фрагмента. Под архаизацией мы понимаем, с одной стороны, собственно языковую архаизацию (употребление форм древнего венгерского повествовательного прошедшего времени, устаревших форм, слов и синтаксических конструкций), а с другой стороны, употребление редких слов и слов, принадлежащих к высокому, литературному или народному стилю. Эти слова одновременно могут быть и устаревшими. Для венгерского читателя, особенно для городского, и употребление слов народного пласта может ассоциироваться с древностью. Архаизация венгерских текстов в основном наблюдается на трех языковых уровнях: на лексическом (стилистическом, неоднократно в сопровождении изменения обыкновенного порядка предложения), морфологическом и реже на фонетическом, опосредованном возможностями графической передачи звуков. Эти уровни неоднократно в рамках данной единицы перевода могут быть выявлены и совместно — лексический и морфологический, лексический и фонетический.

На какое состояние венгерского языка мог ориентироваться переводчик при архаизации? Л. Палфальви пишет, что в переводе он использовал именно язык протестантской Библии 1590 года [Палфальви, 2019, с. 452]. Первый неполный венгерский перевод Библии, известный под названием Гуситской Библии, осуществился еще в первой половине XV века [Magyar katolikus lexikon]. Однако язык этого перевода не стал литургическим языком и остался менее известен в обществе, а более поздний перевод (1590 год) получил признание и затем долгое время влиял на религию, культуру и литературу [Палфальви, 2019, с. 452—453]. Очевидно, что оригинальный архаичный язык перевода Библии 1590 года с его особенным правописанием и архаической графикой наверняка оказался бы непонят-

ным для среднего современного венгерского читателя. В доказательство этого приводятся два текста разных изданий перевода Библии 1590 года. Первый текст — это оригинальный текст 1590 года, а второй — несколько модернизированный, отредактированный в 1908 году специально созданной из представителей церкви и филологов комиссией под председательством реформатского епископа, писателя Кароя Саца:

Оригинальный текст: *Az vtán méne Iesus és az ő tanítuáni az Iudéának földére, és ott mulat vala vélec, és ott keresztel vala.*

Модernизированный текст, 1908 год: *Ezután elméne Jézus az ő tanítványaiával a Júdea földre; és ott időzék velök, és keresztele.* Евангелие от Иоанна, III. 22 [Okos Biblia].

Итак, переводчик опирался на модернизированный (особенно по правописанию, графике, отчасти по грамматике и лексике) текст первого полного венгерского перевода Библии 1590 года.

Помимо заключения о негодности применения Гуситской Библии первой половины XV века для архаизации переводимых древнерусских фрагментов, следует коротко объяснить, почему невозможно использовать при архаизации более древнее состояние венгерского языка. Периодизация истории венгерского языка начиная с древневенгерского выглядит так: древневенгерский период с 896 (то есть с даты обретения венграми родины) до 1526 (до даты поражения при Мохаче от Османской империи); средневенгерский период с 1526 года до 1772 год, то есть до начала венгерского Просвещения, когда вышло в свет произведение «Трагедия Агиса»; нововенгерский период с 1772 года до наших дней [Bárczi et al., 1993, с. 18]. В последнее время различается и период современного венгерского языка с 1920 года, то есть с даты подписания Трианонского договора [É. Kiss et al., 2013, с. 12]. Памятники венгерского языка до 16 века немногочисленны [Bárczi et al., 1993, с. 43, с. 47], и, следовательно, трудно реконструировать язык 15 века до такой степени, чтобы его можно было использовать при переводе целых фрагментов. Значит, для архаизации переведенных древнерусских фрагментов ведущим ресурсом остается средневенгерский язык.

При архаизации переводимых древнерусских фрагментов архаизируется не каждое слово, что особенно заметно при сопоставлении с языком древнерусских фрагментов. Архаизация каждой словоформы могла бы быть достигнута только крайним изменением графики и орфографии, отчасти и грамматики, и лексики, но это могло бы привести к непонятности текста. Дело в том, что тексты средневенгерских памятников с трудом поддаются чтению не потому, что сам язык так архаичен, а скорее потому, что правописание очень архаично [É. Kiss et al., 2013, с. 14]. Если использовать немного модернизированный по правописанию и графике средневенгер-

ский язык, тогда многие словоформы могут совпадать с современными, зато текст будет довольно хорошо понятен. Этот недостаток модернизированного средневенгерского языка может быть компенсирован употреблением редких слов и слов высокого, литературного или народного стиля, чтобы для венгерского читателя был создан такой язык, который вполне может быть осознан как язык средневековых людей.

В Венгрии языком культуры и церкви долго служил латинский язык, который был официальным государственным языком до 1844 года. Поскольку латинский язык принадлежит к индоевропейской языковой семье, а венгерский относится к финно-угорским языкам, эти два языка очень далеко стоят друг от друга, поэтому не было никакого шанса создать на основе «венгеризованного» латинского языка своеобразный церковный язык, так как латынь в Венгрии никак не могла «венгеризоваться». Однако у русских церковнославянский язык, который близко стоит к древнерусскому, охватывал значительную часть письменности до Петра Великого, был литературным языком, и, таким образом, древнерусские (церковнославянские) фрагменты легко могут создать впечатление средневекового языка целиком, без дополнительного привлечения слов высокого, литературного или народного стиля. Язык древнерусских фрагментов, наверное, более или менее понятен образованным современным русским читателям. Перед венгерским переводчиком стояла задача создать такой аналог, который также должен быть понятен венгерским читателям, но одновременно может идентифицировать говорящих на нем как древнерусских людей средневековья с большой достоверностью.

Варианты венгерского перевода, предложенные для древнерусских фрагментов, можно разделить на четыре группы по степени архаизации, смоделированной переводчиком посредством возможностей венгерского языка: 1) архаизированы целые фрагменты венгерского текста (которые в русском тексте были стилизованы под древнерусский язык); 2) архаизирована только одна словоформа; 3) архаизирована такая часть фрагмента, которая в оригинале написана на современном русском языке; 4) собственно архаизация не вводится переводчиком, но контекст или слова, связанные с христианской верой, могут сблизить венгерского читателя с миром средневековья. Всего нами было проанализировано более 150 фрагментов перевода романа, включающих или не включающих в русскоязычном оригинале элементы стилизации под архаичный вариант языка. Было выявлено, что из них в переводном тексте на венгерском языке не являются архаизированными (точнее говоря, стилизованными) около половины. (Ср. с выводами Т. Р. Богоутдинова о переводе «Лавра» на английский язык (пер. Lisa C. Hayden): «...текст перевода немного менее архаизирован, нежели текст оригинала» [Богоутдинов, 2020, с. 9]). Рассмотрим далее примеры.

3.1.1. Архаизированные фрагменты венгерского перевода, соответствующие древнерусским стилизациям из романа Е. Водолазкина «Лавр»

Архаизированность целого переведенного фрагмента преимущественно достигается морфологическими и лексико-стилистическими средствами. Употребление фонетических средств с целью архаизации текста наблюдается редко, и только в сочетании с морфологическими и лексико-стилистическими средствами, например (здесь и далее полужирным шрифтом выделены архаизированные фрагменты художественных текстов):

В начале сотвори Господь небо и землю. Того ради сотвори, дабы не мнели человеци, яко без начала суть небо и земля. И разлучи Бог межси светом и тьмою. И нарече Бог свет день, а тьму нарече нощь [Водолазкин, 2015, с. 29].

Kezetben teremte Isten az eget és a földet. Azért teremte, hogy az emberek ne véljék kezdet nélkülinek az eget és a földet. És elválasztá az Isten a viláosságot a setétségtől. És nevezé Isten a világosságot nappalnak, és a setétséget nevezé éjszakának [Vodolazkin, 2015, p. 28].

В переводе архаизация осуществляется прежде всего старыми венгерскими глагольными формами *teremte, elválasztá, nevezé*, представляющими собой так называемое повествовательное прошедшее время, совпавшее по значению с формой прошедшего времени с показателем *-t-, -tt-* еще до XVIII века [Bárczi et al., 1993, с. 537] и не употребляющееся в современном венгерском языке, но понятное современному читателю, так как оно относится к пассивному запасу форм венгерского языка [A mai magyar nyelv, 1988, с. 183]. Повествовательное (историческое) прошедшее оригинально употреблялось для передачи звеньев последовательной цепи событий в прошлом [Bárczi et al., 1993, с. 515], поэтому оно функционально очень близко древнерусскому аористу. Не случайно древнерусские аористы в венгерском переводе «Лавра» вообще передаются именно повествовательным прошедшим. Помимо этого, абзацу придается архаический характер с помощью диалектных или литературных форм *setétségtől, setétséget* [MÉK, 1992, II, с. 1219], отличающихся от обыкновенных форм *sötétségtől, sötétséget* гласным *e* на месте гласного *ő*. Библейские части фрагмента взяты из текста первого полного венгерского перевода Библии 1590 года [Szent Biblia, 1990, с. 5].

Рассматриваемые древнерусские фрагменты и их переводы могут совпадать и с целым предложением. Стилизованный фрагмент представляет собой прямую речь персонажа, а последующий отрезок — слова автора, хоть они и не оформлены должным образом по правилам современного языка:

Что убо о сем речеши, записывал он в сердцах на куске бересты [Водолазкин, 2015, с. 17].

Mit lehet szóllanom mindezekről, jegyezte föl hirtelen haragjában egy darabka nyírfakéregre [Vodolazkin, 2015, p. 17].

Архаизация перевода речи Христофора осуществлена редкой, изысканной формой высокого стиля *szóllanom* [ÉRTSZ, 1959—1962, VI] и местоименной формой *mindezekről* народного стиля с гласным *ü* на месте обыкновенного *ö*. Архаизация касается лексического (отчасти и морфологического уровня, поскольку сама форма слова *szóllanom* образована редким способом, придающим словоформе изысканный, высокий стилистический оттенок) и фонетического уровня.

Часто переводчик сохраняет идею совмещения в речи героя элементов современного русского и древнерусского языка. Например, в пересказе Арсением разговора фараона и старца Иакова и — затем — в цитировании слов Иакова:

И когда фараон спросил у старца Иакова, сколько ему лет, Иаков ответил: дний лет жития моего, яже обитаю, сто тридесят лет. Малы и злы быша дние лет жития моего: не достигоша во дни лет отец моих [Водолазкин, 2015, с. 280].

És mikor a fáraó megkérdezte az öreg Jákóbtól, hány éves, Jákób azt felelte: az én bujdosásom esztendeinek napja százharminc esztendő; kevesek és nyomorúságosak voltak az én életem esztendeinek napjai, és nem érték el az én atyám élete esztendeinek napjait [Vodolazkin, 2015, p. 269].

Здесь, в отличие от большинства переведенных древнерусских фрагментов, архаичность в значительной мере обеспечивается на синтаксическом уровне — архаическими конструкциями *bujdosásom esztendeinek napja* и *atyám élete esztendeinek napjait*. Эти необычные, нехарактерные для современного венгерского языка конструкции взяты из немного модернизированного (особенно по фонетике и правописанию) текста первого полного венгерского перевода 1590 года Библии [Szent Biblia, 1990, с. 57], таким образом, они вполне могут считаться архаическими. Помимо этого, отметим, что словоформа *esztendeinek* относится к народно-поэтическому или высокому стилю [MÉK, 1992, I, с. 341].

Или см. фрагмент, в котором переход на древнерусский язык маркирует силу психологического воздействия священного текста, которая необходима жене корчмаря:

Эх ты, Черпак. Сей же рече ми: наслажуся красоты твоя. Аз же ему возбраних. Если не золотой, дайте хоть что-нибудь [Водолазкин, 2015, с. 256].

Ugyan már, Kanta. Azt monda nekem: hadd leljem élvezetem a te gyönyörűségedben. Én pedig megtiltám neki. Ha nem is aranyat, de valamit legalább adjatok [Vodolazkin, 2015, p. 246].

Архаичность придана переведенному тексту прежде всего формами повествовательного прошедшего *mondá* и *megtiltám*. Стилизация закрепляется и тем, что фраза *hadd leljem élvezetem a te gyönyörűségedben* построена не так, как типичная современная венгерская фраза, она, несомненно, способна отдалить читателя от современного венгерского языка. Глагольная форма *leljem* является словом народного или высокого стиля [МЭК, 1992, II, с. 839].

Л. Палфальви также сохраняет идею архаизированного перевода изолированных древнерусских словоформ. Найдено два таких примера:

A вернулись обратно и узнали, что прежде схваченный по испытанию умре [Водолазкин, 2015, с. 46]. *Amikor pedig visszatértek a faluba, látták, hogy a korábban elfogott haramia is **belehala** a próbatételekbe* [Vodolazkin, 2015, p. 45]. Древнерусский аорист передан венгерским повествовательным прошедшим.

*Через день после Рождества **ycne** старец Никандр* [Водолазкин, 2015, с. 114]. *Karácsony után egy nappal **jobbblétre szenderült** Nyikandr sztarec* [Vodolazkin, 2015, p. 109]. Древнерусский аорист передан глаголом литературного стиля [МЭК, 1992, II, с. 1271].

3.1.2. Архаизированные словоформы в венгерском переводе, соответствующие древнерусским стилизациям из романа Е. Водолазкина «Лавр»

В таких случаях перевод целого фрагмента мы не считаем в полной мере архаизированным в лингвистическом смысле. Несмотря на это, благодаря самой теме фрагмента венгерский читатель может ощущать атмосферу средневековья. См. соответствующий пример:

Брат наш Лавр постригает власы главы своея во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Рцем о нем: Господи, помилуй! [Водолазкин, 2015, с. 401].

*Testvérünk, Laurosz lenyírja haját az Atya, a Fiú és a Szentlélek nevében. Könyörödjünk **érette**: Uram, irgalmazz!* [Vodolazkin, 2015, p. 383].

В венгерском переводе только устаревшее и литературное слово *érette* [МЭК, 1992, I, с. 333] можно считать архаичным. Архаизация осуществлена на фонетическом уровне (ср. современную форму *érte*). Тут и сама тема абзаца способствует созданию средневековой атмосферы.

3.1.3. Архаизированные фрагменты венгерского перевода, соответствующие нестилизованым фрагментам оригинала

С другой стороны, в венгерском переводе романа присутствует несколько архаизированных фрагментов, которым в оригинале соответствует текст на современном русском языке. Рассмотрим фрагмент, в котором хорошо известный сюжет Книги Бытия представлен в современном, а не каноническом языковом оформлении:

Повелел Господь, чтобы воды произвели рыб, плавающих в глубинах, и птиц, парящих по тверди небесной. И те и другие созданы для плавания в свойственных им стихиях. Еще повелел Господь, чтобы земля произвела душу живую — четвероногих. До грехопадения звери были Адаму и Еве покорны [Водолазкин, 2015, с. 30].

És monda Isten: Pezsdüljenek a vizek élő állatok nyüzsgésétől, és madarak repdessenek a föld felett, az ég mennyezetének színeén. Emezeket és amazokat is azért teremtette, hogy a neki megfelelő elemben ússzanak. És monda még az Úr, hozzon a föld élő állatokat, négy lábú barmokat. A bűnbeesésig engedelmesek voltak az állatok Ádámnak és Évának [Vodolazkin, 2015, p. 29—30].

Архаизация переведенных фрагментов достигается повествовательным прошедшим *monda*, редким поэтическим в данном значении глаголом *Pezsdüljenek* [ÉRTSz, 1959—1962, V], который благодаря длинному гласному *ű* становится еще архаичнее. Словоформа *barmokat* в значении крупного млекопитающего является устаревшей [Nagyszótár, 2006—]. Первое предложение полностью совпадает с соответствующим местом (I книга Моисеева, 1.20) первого полного венгерского перевода Библии 1590 года, а третье предложение лишь частично совпадает с соответствующим библейским местом (I книга Моисеева, 1.24) [Szent Biblia, 1990, с. 5]. Неполное соответствие венгерского текста оригиналу лишь частично передает авторский замысел «неисторического романа», существования времени вне истории (см. подзаголовок романа).

3.1.4. Отсутствие архаизации во фрагментах венгерского перевода, соответствующих древнерусским стилизациям из романа Е. Водолазкина «Лавр»

В венгерском переводе романа «Лавр» довольно часто не используются архаизированные языковые средства в тех фрагментах текста, которые соответствуют древнерусским стилизациям в оригинале. Например:

Жити хоуц, Врачу. Помози ми [Водолазкин, 2015, с. 3, с. 379].

Élni akarok, Gyógyítóm. Segíts rajtam [Vodolazkin, 2015, p. 33, 362].

В связи с венгерским переводом древнерусского вокатива *Врачу* следует отметить, что переводчик сохраняет начальную прописную букву (*Gyógyítóm*) и — поскольку в венгерском языке нет и не было вокатива — употребляет в словоформе притяжательную личную прилепу (вид аффикса; вопрос о статусе этих элементов не решен в хунгарологии) *-m*, что в какой-то степени может выражать почтительное отношение женщины к врачу (дословный русский перевод венгерского *Gyógyítóm* ‘Мой врач’).

В оригинальном тексте романа некоторые абзацы содержат по одной древнерусской словоформе, и чаще всего это личные имена или названия лиц в форме звательного падежа. Поскольку в венгерском языке нет и не

было звательного падежа, такие элементы переводятся существительными в форме им. пад., занимающими в предложении синтаксическую позицию обращения. И если притяжательная личная прилепа 1-го лица ед. ч. в некоторых случаях при названиях лиц является стилистически возвышенным средством, то такой прием при личных именах фактически невозможен, так как употребление при них притяжательного показателя 1-го лица ед. ч. придает слову шуточный или интимный оттенок. См. характерный пример перевода вокатива с притяжательной прилепой 1-го лица ед. ч.:

Только не покидай нас, брата мой Арсение [Водолазкин, 2015, с. 154].

Csak ne hagyj el minket, bátyám, Arsenyij [Vodolazkin, 2015, p. 148].

В венгерском переводе словоформа *bátyám* с притяжательной прилепой 1-го лица ед. ч. *ám* соответствует русскому словосочетанию *мой брат*.

Или перевод вокатива без притяжательной прилепы 1-го лица ед. ч.:

Потерпи, жено, шепнул ей Арсений, и она снова впала в забытие [Водолазкин, 2015, с. 123].

Tűrj még, asszony, suttogta Arsenyij, a nő pedig megint elvesztette az eszméletét [Vodolazkin, 2015, p. 123].

3.2. Другие лингвистические средства актуализации национально-культурной самоидентификации в венгерском переводе романа Е. Водолазкина «Лавр»

Переводчик романа сохранил нумерацию глав древними кириллическими буквами под титулом. Это, подобно архаизированному переведенным фрагментам, также может указать на то, что события происходят в Средневековье.

В переводе употребление знаков препинаний в основном следует русскому оригиналу. Следует отметить, что при диалогах, как и в русском тексте, не употребляется тире, что является ярким средством стилизации в жанре жития.

В транслитерации иностранных собственных имен переводчик следует правописанию данных языков, например: *Ambrogio, Giovanni del Piano Carpini, Władysław, Zapytówban, Oświęcim*. Из географических имен только те передаются средствами иноязычной графики, которые не обладают принятыми венгерскими эквивалентами. Если при географических именах имеются венгерские эквиваленты, тогда они применяются в переводе, например, *Краков* передается как *Krakkó*, *Венеция* как *Velence*.

В русском языке хрононим *Средневековье* пишется с прописной буквы, а в венгерском языке со строчной: *középkor*.

Топоним *Русь* передается сложным венгерским словом *Oroszhon*. Л. Палфальви свой выбор мотивирует тем, что в венгерском языке топоним *Rusz* ‘Русь’ употребляется только в исторических текстах и применяется исключительно в отношении к Киевской Руси, а в русском языке собственное имя

Русь имеет более широкое значение, поскольку оно может обозначать и всех восточных славян. Применение топонима *Oroszország* ‘Россия’ было также неприемлемо для переводчика, так как это включило бы «романный мир в историю империи» [Палфальви, 2019, с. 456]. Часто повторяющееся венгерское слово *Oroszhon* вполне может передавать концепцию единства восточных славян независимо от истории Российской Империи, тем более что оно является редким и устаревшим сложным словом, состоящим из компонентов *orosz* и *hon*, которые можно перевести как *русская родина* или *родина русских*. Слово *Oroszhon* для современного венгерского читателя в меньшей мере ассоциируется с Россией, и, конечно, оно не ассоциируется и с конкретным русским княжеством, особенно Московским великим княжеством. О редкости и архаичности этого слова свидетельствует тот факт, что современные венгерские толковые словари его не содержат, оно указано только в «Словаре венгерского языка» 1867 года [Czuczor, Fogarasi, 1867, с. 1083].

Языковая игра, к которой прибегает Е. Водолазкин, основанная на использовании хронима-топонима *Древняя Русь*, отражается в венгерском переводе, хотя и не так экспрессивно, как в оригинале, ср.:

Я заметил, сказал Амброджо, глядя вслед прохожему, что за негодностью дорог люди Древней Руси предпочитают водный путь. Они, кстати, еще не знают, что Русь — Древняя, но со временем разберутся [Водолазкин, 2015, с. 258].

Észrevettem, mondta Ambrogio a távolodót nézve, hogy Óoroszhon lakói a rossz utak miatt a vízi utakat részesítik előnyben. Ők még nem tudják, hogy ez Óoroszhon, de idővel majd rájönnek [Vodolazkin, 2015, p. 248].

Древняя Русь переводится как *Óoroszhon* (‘Родина древнерусских’). Конечно для среднего венгерского читателя, не для славистов-русистов, топоним *Óoroszhon* менее выразителен, поскольку оппозиция *Oroszhon* — *Óoroszhon* для среднего читателя не обладает особенной экспрессивностью. Но для тех, кому известны *Русь* и *Древняя Русь*, оппозиция *Oroszhon* — *Óoroszhon* ясна.

Слово *русский* в отношении восточнославянских жителей королевства Польского передается не венгерским словом *orosz*, а словом *ruthénus*, ср.:

По форме нательных крестов определили, что они были из русских [Водолазкин, 2015, с. 285].

A nyakukon függő kereszt alakjából derítették ki, hogy ruthénusok voltak [Vodolazkin, 2015, p. 274].

Этноним *ruthénus* представляет собой оригинальную латинскую форму венгерского заимствованного слова *rutén*. Латинская форма (в род. п. мн. ч.) в венгерских источниках появилась довольно рано, ср. «*filius regis Rutenorum*» (1091 — XII в.) (TESz 1976, с. 466). Слово *rutén* обладает дву-

мы значениями: 1) 'русин(ский)' 2) 'восточнославянский' в историческом смысле [Bakos, 2002]. Значит, венгерский читатель может это слово понимать по-разному. Полагаем, что большинству венгров приходит в голову значение 'русин(ский)'. Возможно, переводчик имел в виду, что для большинства венгерских читателей было бы нелогично, если в королевстве Польском живут и русские. Думается, что для среднего венгерского читателя нераздельность русского, украинского и белорусского народов менее важна, чем для русского читателя.

Л. Палфальви также предполагает, что Водолазкин «создал некую скрытую северо-западную идентичность России», поэтому переводчик, чтобы показать эту скрытую идентичность, названия нескольких городов перевел в соответствии с белорусским языком, напр. *Могилев* передается как *Mahiljau* [Палфальви, 2019, с. 457—458]:

Через три дня причалили в Могилеве [Водолазкин, 2015, с. 264].

Három napig hajóztak, aztán kikötöttek Mahiljauban [Vodolazkin, 2015, p. 253].

Или:

Она вернется в Полоцк в 1910 году, предположил Амброджио [Водолазкин, 2015, с. 272].

1910-ben tér majd vissza Polackba, Ambrogio feltételezése szerint [Vodolazkin, 2015, p. 261].

Созданию в переводе романа художественной атмосферы самобытного русского средневекового мира, несомненно, способствуют и такие слова, как непереводаемая реалия *старец* 'sztarec' (слово в лучшем случае известно венгерскому читателю из романов Достоевского), существительное *купец*, передающееся венгерским словом славянского происхождения *kupres*, которое часто обладает пейоративным оттенком и в первую очередь обозначает торговца, торгующего конями или свиньями [МЭК, 1992, I, с. 801], или слово *итальянец*, передающееся устаревшим венгерским словом *talján* [МЭК, 1992, II, с. 1328].

4. Заключение = Conclusions

Материал романа Е. Водолазкина «Лавр» предлагает читателям особый тип вымышленного билингвизма, невозможного в реальной жизни языкового контактирования, — соединения древнерусского и современного русского языков. Совмещение в речи героев древнерусского и современного русского языков и отсутствие такого совмещения в речевых партиях нарратора противопоставляют героев романа и его нарратора и усиливают значимость смыслов, транслируемых последним. Для обозначения временного периода описываемых событий нарратор в романе Е. Водолазкина

«Лавр» пользуется термином *Средневековье*. Полная или частичная архаизация переведенных древнерусских фрагментов осуществлена средствами средневенгерского языка, а также употреблением редких слов и слов высокого, литературного или народного стиля.

Представляется, что наиболее выразительным средством архаизации является употребление древнего венгерского повествовательного прошедшего. Из 41 случая архаизации на морфологическом и смешанном уровнях в 30 примерах обнаружена минимум одна форма в повествовательном прошедшем. Засвидетельствованы и такие примеры, где в одном переведенном абзаце несколько (даже до 8) форм повествовательного прошедшего. Древнее венгерское повествовательное прошедшее по сравнению с лексическими средствами способно актуализировать более древнее состояние венгерского языка в силу того, что лексические средства архаизации в основном сводятся к употреблению слов разных стилистических пластов — высокого, народного, литературного.

Сопоставление оригинала и венгерского перевода позволило высветить также очевидную для носителей русского языка и неявную для инофонов (особенно неспециалистов в истории России) идентичность восточных славян. Художественный прием вымышленного билингвизма конструирует особую русскую идентичность, при которой стерты национальные границы между существующими ныне людьми и их предками, жителями Древней Руси. Иначе говоря, на подтекстовом уровне автор утверждает древний русский мир, не разделенный на русских, украинцев и белорусов. Переводчик выявляет в тексте «особую скрытую северо-западную идентичность России», применяя специфические средства передачи белорусских топонимов.

Сокращение количества архаизированных переведенных древнерусских фрагментов, отсутствие в тексте перевода примечаний Л. Палфальви (кроме всего двух — об этимологии прозвища *Рукинец* и значении слова *сажень*) свидетельствует о выбранной им стратегии доместикации. Однако задача переводчика вести изложение на языке, который понятен венгерским читателям, но одновременно создает образы героев романа как достоверных «древнерусских людей» Средневековья, полностью им решена.

Источники

1. *Водолазкин Е. Лавр* / Е. Водолазкин. — Москва : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2015. — 440 с. — ISBN 978-5-17-078790-6.
2. *Bakos F. Idegen szavak és kifejezések szótára* / F. Bakos. — Budapest : Akadémiai Kiadó, 2002.
3. *Czuczor G. A magyar nyelv szótára IV* / G. Czuczor, J. Fogarasi. — Pest : Emich Gusztáv magyar akadémiai nyomdász, 1867. — 1311 с.

4. ÉRTSZ — *A Magyar Nyelv Értelmező Szótára I—VII. Főszerk.* (ed.) : G. Bárczi, L. Országh. — Budapest : Akadémiai Kiadó, 1959—1962.
5. MÉK — *Magyar értelmező kéziszótár I—II. Szerk.* (ed.) : J. Juhász, I. Szőke, G. O. Nagy, M. Kovalovszky. — Budapest : Akadémiai Kiadó, 1992.
6. NAGYSZÓTÁR — *A magyar nyelv nagyszótára. Főszerk.* (ed.) : N. Ittész [Electronic resource]. — Budapest : Akadémiai Kiadó, 2006. — Access mode : <https://nagyszotar.nytud.hu/index.html> (accessed 06.06.2022).
7. *Okos Biblia* [Electronic resource]. — Access mode : https://biblia.szeroczei.hu/bible/vizsolyi_kgre_kg1908/JHN/3 (accessed 05.06.2022).
8. *Szent Biblia*. (Перевод Гашпара Кароли в 1590 г.). — Budapest : Magyar Bibliatanács, 1990.
9. TESz — *A Magyar Nyelv Történeti-etimológiai Szótára II. Főszerk.* — Budapest : Akadémiai Kiadó, 1976. — 1230 c.
10. *Vodolazkin J. Lauros / J. Vodolazkin ; Fordította: Pálfalvi Lajos.* — Budapest : Európa Könyvkiadó, 2015. — 421 p. — ISBN 978-963-405-243-2.

Литература

1. *Богоудинов Т. Р.* О временной языковой стилизации при переводе (на материале фрагментов романа Е. Г. Водолазкина «Лавр» и его переводов на английский и французский языки) / Т. Р. Богоудинов // *Collegium linguisticum* — 2020 : Сборник научных статей по итогам ежегодной конференции Студенческого научного общества МГЛУ. — Москва : Московский государственный лингвистический университет, 2020. — С. 3—11.
2. *Живов В. М.* История языка русской письменности / В. М. Живов. — Москва : Университет Дмитрия Пожарского, 2017. — Т. I. — 815 с. — ISBN 978-5-91244-184-4.
3. *Кахла Э.* Восприятие и перевод романа Лавр Евгения Водолазкина в Финляндии / Э. Кахла // Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин : Коллективная монография под редакцией Анны Скотницкой и Януша Свежего. — Kraków : Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2019. — Т. II. — С. 441—450. — ISBN 978-83-233-4762-0.
4. *Качане И.* Иноязычные вкрапления в художественном тексте как переводческая проблема (на материале латышских и русских переводов романа Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея») / И. Качане, О. Кавзеле // *Acta Slavica Estonica VIII. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVII. Свое — чужое в языке и речи* / Отв. ред. И. П. Кюльмоя. — Тарту : Издательство Тартуского университета, 2016. — С. 268—282.
5. *Колосов С. А.* Русская литература за рубежом : на перекрёстках теории художественного перевода / С. А. Колосов // *Русская литература за рубежом : перевод как восприятие и восприятие перевода* / ред. Масленникова Е. М., Миловидов В. А. — Тверь : Тверской государственный университет, 2015. — С. 10—34.
6. *Кривошапова Н. В.* Лингвокультуры в произведениях Е. Г. Водолазкина / Н. В. Кривошапова // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета.* — 2020. — № 1 (144). — С. 194—201.
7. *Купина Н. А.* Советская повседневность, украинско-русский билингвизм и проблема идентичности : взгляд Евгения Водолазкина / Н. А. Купина // *Человек советский : за и против : монография* / под общ. ред. Ю. В. Матвеевой, Ю. А. Русиной. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2021. — С. 191—204. — ISBN 978-5-7996-3161-1.
8. *Лабунец Н. В.* Этнолингвистические лакуны в переводе на китайский язык романа Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» / Н. В. Лабунец, Д. Е. Эртнер, Я. Е. Андре-

ева // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 85—105. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-85-105.

9. Лаппо М. А. Национально-культурная самоидентификация в русскоязычной художественной литературе XXI века : лингвистический аспект (на материале романа Е. Водолазкина «Лавр») / М. А. Лаппо // SlavVaria. — 2021. — № 1. — С. 293—303. — DOI: 10.15170/SV.1/2021.293.

10. Павиленис Р. Смысл и идентичность, или Путь к себе / Р. Павиленис ; пер. с лит. Р. Чичинскойте. — Вильнюс : ЕГУ, 2013. — 242 с.

11. Палфальви Л. О венгерском переводе романа *Лавр* Евгения Водолазкина (заметки переводчика) / Л. Палфальви // Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин : Коллективная монография под редакцией Анны Скотницкой и Януша Свежего. — Kraków : Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2019. — Т. II. — С. 451—460. — ISBN 978-83-233-4762-0.

12. Панова О. Б. Традиции древнерусской культуры в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр» / О. Б. Панова, О. В. Кодочигова // Язык и культура : Сборник статей XXIX Международной научной конференции, Томск, Ответственный редактор С. К. Гураль. — Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2019. — С. 62—69.

13. Разумовская В. А. Проблема переводимости: русское средневековье романа «Лавр» / В. А. Разумовская // Язык и культура : Сборник статей XXVIII Международной научной конференции, Томск, 25—27 сентября 2017 года / Ответственный редактор С. К. Гураль. — Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2018. — С. 254—261.

14. Улуханов И. С. О языке Древней Руси / И. С. Улуханов. — Москва : Наука, 1972. — 131 с.

15. Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI — XIX вв.) / Б. А. Успенский. — Москва : Гнозис, 1994. — 239 с. — ISBN 5-7333-0426-X.

16. Хорев В. Имагология и изучение русско-польских литературных связей / В. Хорев // Поляки и русские в глазах друг друга / отв. ред. В. А. Хорев. — Москва : Индрик, 2000. — С. 22—31.

17. *Acta Slavica Estonica* VIII. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVII. Свое — чужое в языке и речи / отв. ред. И. П. Кюльмоя. — Тарту : Издательство Тартуского университета, 2016. — 356 с. — ISBN 978-9949-77-340-4.

18. *Bárcezi G. A magyar nyelv története* / G. Bárcezi, L. Benkő, J. Berrár. — Budapest : Nemzeti Tankönyvkiadó, 1993. — 600 с. — ISBN 963 18 5143 5.

19. *Bencédy J. A mai magyar nyelv* / J. Bencédy, P. Fábíán, E. Rácz, M. Velcssov. — Budapest : Tankönyvkiadó, 1988. — 571 с. — ISBN 963 18 1520 x.

20. *É. Kiss K. Fejezetek a magyar nyelv történetéből* / K. É. Kiss, K. Gerstner, A. Hege-dűs. — Piliscsaba : Pázmány Péter Katolikus Egyetem Bölcsész- és Társadalomtudományi Kar, 2013. — 175 с. — ISBN 978-963-308-101-3.

21. *Magyar Katolikus Lexikon. Huszita Biblia* [Electronic resource]. — Access mode : <http://lexikon.katolikus.hu/H/Huszita%20Biblia.html> (accessed 21.05.2022).

22. *Tyszkowska-Kasprzak E. “Laurus” by Eugene Vodolazkin in Polish Perception* / E. Tyszkowska-Kasprzak // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. — 2017. — Vol. 10. — № 10. — Pp. 1622—1629. — DOI: 10.17516/1997-1370-0159.

23. *Venuti L. The Translator’s Invisibility* / L. Venutu. — London, New York : Routledge, 1995. — 353 p. — ISBN 0-415-11538-8.

Material resources

- A Magyar Nyelv Történeti-etimológiai Szótára II. Főszerk.* (1976). Budapest: Akadémiai Kiadó. 1230 c. (In Hung.).
- Bakos, F. (2002). *Idegen szavak és kifejezések szótára*. Budapest: Akadémiai Kiadó. (In Hung.).
- Bárczi, G., Országh, L. (ed.). (1959–1962). *A Magyar Nyelv Értelmező Szótára I—VII. Főszerk.* Budapest: Akadémiai Kiadó. (In Hung.).
- Czuczor, G., Fogarasi, J. (1867). *A magyar nyelv szótára IV.* Pest: Emich Gusztáv magyar akadémiai nyomdász. 1311 c. (In Hung.).
- Ittész, N. (2006). *A magyar nyelv nagyszótára. Főszerk.* Budapest: Akadémiai Kiadó. Available at: <https://nagyszotar.nyud.hu/index.html> (accessed 06.06.2022). (In Hung.).
- Juhász, J., Szőke, I., O. Nagy, G., Kovalovszky, M. (1992). *Magyar értelmező kéziszótár I—II. Szerk.* Budapest: Akadémiai Kiadó. (In Hung.).
- Okos Biblia*. Available at: https://biblia.szeroczei.hu/bible/vizsolyi_kgre_kg1908/JHN/3 (accessed 05.06.2022). (In Hung.).
- Szent Biblia. (Translated by Gaspar Karoli in 1590).* (1990). Budapest: Magyar Biblia-tanács. (In Hung.).
- Vodolazkin, E. (2015). *Lavr*. Moscow: AST: Editorial Office of Elena Shubina. 440 p. ISBN 978-5-17-078790-6. (In Russ.).
- Vodolazkin, J. (2015). *Lauros*.z. (Fordította: Pálfalvi Lajos). Budapest: Európa Könyvkiadó. 421 p. ISBN 978-963-405-243-2. (In Hung.).

References

- Acta Slavica Estonica VIII. (2016). In: *Works on Russian and Slavic philology. Linguistics XVII. Own — alien in language and speech*. Tartu: Tartu University Press. 356 p. ISBN 978-9949-77-340-4. (In Russ.).
- Bárczi, G., Benkő, L., Berrár, J. (1993). *A magyar nyelv története*. Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó. 600 c. ISBN 963 18 5143 5. (In Hung.).
- Bencédy, J., Fábián, P., Rácz, E., Velcsov, M. (1988). *A mai magyar nyelv*. Budapest: Tankönyvkiadó. 571 c. ISBN 963 18 1520 x. (In Hung.).
- Bogoudinov, T. R. (2020). On temporary language stylization in translation (based on fragments of E. G. Vodolazkin's novel "The Laurel" and its translations into English and French). In: *Collegium linguisticum — 2020: Collection of scientific articles on the results of the annual conference of the Student Scientific Society of MGLU*. Moscow: Moscow State Linguistic University. 3—11. (In Russ.).
- Horev, V. (2000). Imagology and the study of Russian-Polish literary relations. In: *Poles and Russians in the eyes of each other*. Moscow: "Indrik". 22—31. (In Russ.).
- Kachane, I., Kavzele, O. (2016). Foreign language inclusions in a literary text as a translation problem (based on the Latvian and Russian translations of Oscar Wilde's novel Portrait of Dorian Gray). In: *Acta Slavica Estonica VIII. Works on Russian and Slavic philology. Linguistics XVII. Own — alien in language and speech*. Tartu: Publishing House of the University of Tartu. 268—282. (In Russ.).
- Kakhla, E. (2019). Perception and translation of the novel Lavr by Evgeny Vodolazkin in Finland. In: *Famous names of modern Russian literature. Evgeny Vodolazkin: A comprehensive monograph edited by Anna Sotnitskaya and Janusz Fresh, II*. Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego. 441—450. ISBN 978-83-233-4762-0. (In Russ.).
- Kiss, E. K., Gerstner, K., Hegedüs, A. (2013). *Fejezetek a magyar nyelv történetéből*. Piliscsaba: Pázmány Péter Katolikus Egyetem Bölcsészeti- és Társadalomtudományi Kar. 175 c. ISBN 978-963-308-101-3. (In Hung.).

- Kolosov, S. A. (2015). Russian literature abroad: at the crossroads of the theory of literary translation. In: *Russian literature abroad: translation as perception and perception of translation*. Tver: Tver State University. 10—34. (In Russ.).
- Krivoshapova, N. V. (2020). Linguocultures in the works of E. G. Vodolazkin. *News of the Volgograd State Pedagogical University, 1* (144): 194—201. (In Russ.).
- Kupina, N. A. (2021). Soviet everyday life, Ukrainian-Russian bilingualism and the problem of identity: the view of Evgeny Vodolazkin. In: *The Soviet man: pros and cons: monograph*. Yekaterinburg: Ural University Publishing House. 191—204. ISBN 978-5-7996-3161-1. (In Russ.).
- Labunets, N. V., Ertner, D. E., Andreeva, Y. E. (2022). Ethnolinguistic Lacunae in Translation into Chinese of Novel by G. Sh. Yakhina “Zuleikha Opens Her Eyes”. *Nauchnyi dialog, 11* (4): 85—105. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-4-85-105> (In Russ.).
- Lappo, M. A. (2021). National-cultural self-identification in Russian-language fiction of the XXI century: linguistic aspect (based on the material of E. Vodolazkin’s novel “Laurel”). *SlavVaria, 1*: 293—303. DOI: 10.15170/SV.1/2021.293. (In Russ.).
- Magyar Katolikus Lexikon. Huszita Biblia*. Available at: <http://lexikon.katolikus.hu/H/Huszita%20Biblia.html> (accessed 21.05.2022). (In Hung.).
- Pavlenis, R. (2013). *Meaning and identity, or the Way to yourself*. Vilnius: YSU. 242 p. (In Russ.).
- Palfalvi, L. (2019). About the Hungarian translation of the novel Lavr by Evgeny Vodolazkin (translator’s notes). In: *Famous names of modern Russian literature. Evgeny Vodolazkin: A comprehensive monograph edited by Anna Sotnitskaya and Janusz Fresh, II*. Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego. 451—460. ISBN 978-83-233-4762-0. (In Russ.).
- Panova, O. B., Kodochigova, O. V. (2019). Traditions of Ancient Russian culture in E. G. Vodolazkin’s novel “The Laurel”. In: *Language and culture: Collection of articles of the XXIX International Scientific Conference, Tomsk*. Tomsk: National Research Tomsk State University. 62—69. (In Russ.).
- Razumovskaya, V. A. (2018). The problem of translatability: the Russian Middle Ages of the novel “Laurel”. In: *Language and Culture: Collection of articles of the XXVIII International Scientific Conference, Tomsk, September 25—27, 2017*. Tomsk: National Research Tomsk State University. 254—261. (In Russ.).
- Tyszkowska-Kasprzak, E. (2017). “Laurus” by Eugene Vodolazkin in Polish Perception. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences, 10* (10): 1622—1629. DOI: 10.17516/1997-1370-0159. (In Hung.).
- Ulukhanov, I. S. (1972). *About the language of Ancient Russia*. Moscow: Nauka. 131 p. (In Russ.).
- Uspensky, B. A. (1994). *A brief outline of the history of the Russian literary language (XI — XIX centuries)*. Moscow: Gnosis. 239 p. ISBN 5-7333-0426-X. (In Russ.).
- Venuti, L. (1995). *The Translator’s Invisibility*. London, New York: Routledge. 353 p. ISBN 0-415-11538-8. (In Hung.).
- Zhivov, V. M. (2017). *History of the language of Russian writing, I*. Moscow: Dmitry Pozharsky University. 815 p. ISBN 978-5-91244-184-4. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 29.05.2022,
одобрена после рецензирования 15.07.2022,
подготовлена к публикации 21.08.2022.